

**ЖАНРОВОЕ ЯЗЫКОВОЕ ЕДИНСТВО
ИЛИ ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА?
(репрезентация концепта *СТАРЫЙ* в народной лирике)**

М.А. Бобунова

Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка
e-mail: bobunova61@mail.ru

И.С. Климас

Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка
e-mail: iklimas@mail.ru

Курский государственный университет

Статья посвящена описанию особенностей лексической репрезентации концепта СТАРЫЙ в необрядовых лирических песнях, записанных в разных регионах России в XIX веке. Проведен сопоставительный анализ с целью выявления общежанровых тенденций и специфики в реализации концепта, обусловленной местом фиксации песенного текста. Особое внимание уделено описанию ядерной лексики старей с учетом ее синтагматических и парадигматических связей. Делается вывод о значимости указанного концепта в фольклорной картине мира, о преобладании общежанровых канонов при характеристике персонажа с точки зрения его возраста в связи с социальной функцией в семье и обществе и о частичном отражении в языке песенных текстов региональных особенностей, которые проявляются в использовании диалектных слов, в наличии или отсутствии вербализаторов концепта, в своеобразии их семантики и сочетаемости.

Ключевые слова: язык фольклора, народная лирика, концепт, жанровое единство, территориальная специфика.

В предыдущей публикации мы рассматривали особенности семантики и функционирования языковых единиц, представляющих концепт *СТАРЫЙ*, в былинном жанре [Бобунова, Климас 2019]. Объектом данного исследования является описание аналогичных номинаций в народной лирике. Причем, если для характеристики эпических произведений использовались только тексты беломорских былин, в настоящей работе сопоставляются записи необрядовых лирических песен из разных регионов: Курской, Архангельской, Олонецкой губерний, Пермского края и Сибири. Данные о количестве употреблений лексем – вербализаторов концепта и контексты, в которых они встречаются в классических сборниках фольклорных песен [Соб.], приводятся по составленным курскими исследователями словарям-конкордансам [Бобунова, Хроленко 2007; 2008; 2009; 2010]. Наша задача –

выявить возможное своеобразие в реализации концепта, обусловленное местом фиксации песенного текста, или сделать выводы о наличии общежанровых или общефольклорных тенденций.

Проблема территориальной специфики языка устно-поэтических произведений была обозначена курскими лингвофольклористами [Бобунова, Праведников, Хроленко 2003], а затем подробно и обстоятельно проанализирована в монографии С.П. Праведникова [Праведников 2010] и ряде его публикаций на материале лексических групп, избранных кластеров и концептов [Праведников 2011; 2012; 2017]. Подвергался изучению и концепт *СТАРЫЙ* в фольклорном тексте, в частности, как один из основных для построения моделей антонимических отношений [Климас 2004; 2017].

Рассмотрим употребление вербализаторов указанного концепта в народной лирике (см. таблицу 1).

Таблица 1

Лексема	Корпус текстов				
	Курск	Архангельск	Олонец	Пермь	Сибирь
<i>старенький</i>	–	1	–	–	–
<i>старешенький</i>	1	–	–	–	1
<i>старопрежний</i>	–	1	2	–	1
<i>старый</i>	44	33	26	61	13

Основной единицей, представляющей ядерную зону концепта *СТАРЫЙ*, является одноименная лексема. Очевидно, что ее частотность определяется не только важностью понятия в фольклорной языковой картине мира, но и такой технической причиной, как размер выборки, который зависит от количества имеющихся записей песен той или иной территории (Курск – 190 песен; Архангельск – 183; Олонец – 114; Пермь – 258; Сибирь – 112). Наибольшее число употреблений слова *старый* отмечено в лирике Пермского края, но это единственная лексема-репрезентант концепта, зафиксированная в песнях данного региона. Реже всего прилагательное *старый* встречается в народной лирике Сибири.

Остальные вербализаторы – периферия концепта – низкочастотны или единичны. Все они являются именами прилагательными, в ряде случаев субстантивированными.

В песнях трех регионов фигурирует диалектизм *старопрежний*, имеющий значение ‘старый, давний, прежний’ или ‘давно прошедший, минувший (о времени)’ [СРНГ: 41: 82]. В зависимости от синтагматических связей лексема проявляет ту или иную семантику, относящую вербализуемый концепт к разным кластерам. В олонецких и сибирских текстах – «межличностные отношения» (*друг, любовь*), в архангельских – «топос» (*зимовье*):

*Не ему ли, дураку, наряжати,
Наряжать **старо-прежнему** другу Ивану (2,281);
Косил травоньку **старо-прежний** друг (5,362);
Вспомни, вспомни, моя любезная, **старо-прежнюю** любовь...
(5,671);
Этам будто становье,
Старопрежне зимовье! (6,570).*

Несмотря на малочисленность примеров, можно сказать, что это диалектное слово не характерно для южнорусских песен. Данное предположение подтверждается примерами его употребления в «Словаре русских народных говоров»: Петрозаводск, Беломорье, Архангельск, Вологда, Прииртышье [СРНГ: 41: 82].

Эпитет *старешенький*, трактуемый как собственно фольклорный, напротив, встречается и в курской, и в сибирской лирике. Лексема имеет в своей структуре характерный для народной поэзии суффикс *-ешеньк-*. Однако в контексте этот суффикс не передает с однозначностью лишь ласкательность, как трактуется в словаре (*старешенький* и *старёшенький* ‘Фольк. Ласк. Очень старый, пожилой’ [СРНГ: 41: 69]). Ласкательная окраска, очевидно, возникает в сибирской песне при создании образов родителей героини.

*Отец, матери **старешеньки** остаются,
А некому поить будет их, кормити... (6,33).*

В курском тексте с целью усиления негативного впечатления при контрасте использован повтор однокоренных слов, который «усиливает значение и вес слова, придает резкость обозначаемому через повторение качеству или свойству» [Пропп 2001: 133].

*У меня ль, молодешенькой,
Старый муж **старешенек**... (2,389).*

В.Я. Пропп отмечает, что в фольклорной лирике «противопоставление старого молодому – одна из любимейших тем» [Пропп 2001: 250]. Тот же контраст наблюдаем в архангельской песне при употреблении субстантивата *старенький*, в составе которого суффикс также не является выразителем мелиоративной семантики.

*Отдавают молоду
На чужую сторону
Не за ровнюшку,
– **За старенькаго**... (4,611).*

Итак, мы видим различия в «инвентаре», семантике и дистрибуции слов – вербализаторов концепта *СТАРЫЙ*, однако малочисленность примеров не позволяет сделать обоснованный вывод о проявлении именно территориальных особенностей в периферийной зоне.

Далее проанализируем примеры употребления ядерной лексемы *старый*. Наиболее показателен перечень определяемых слов в каждом

корпусе текстов (см. таблицу 2). Что же фольклорное языковое сознание связывает с понятием «старый» в народной лирике?

Таблица 2

Курск	Архангельск	Олонец	Пермь	Сибирь
голов(ушк)а 2 зипунишко муж 7 старик 4 старушка черт 2	баба 4 база камешек любовь муж 5 старик 5 черт	гуж 2 любовь муж 6 огужище старик стариченочко старость черт	муж 11 старик 2 старичок старуха черт 3 чертовка	голова гость муж 5 Рязань стрелец

В функции определения прилагательное *старый* в песнях каждого региона сочетается с целым рядом лексем. Среди этих сочетаний можно отметить как общие, так и индивидуальные для разных местностей.

Все конкордансы фиксируют как наиболее частотную из рассматриваемых атрибутивных пар конструкцию *старый муж*. Это не случайно, поскольку так обозначается один из главных персонажей народной лирики. Старый муж в женских песнях любовной и семейно-бытовой тематики – нелюбимый, нежеланный партнер в браке, реальный или потенциальный для девушки-невесты. Этот образ рассматривается, как правило, в сопоставлении с молодыми персонажами – милым другом, женихом героини или самой героиней: «В устной народной поэзии ... ясно выразилось противопоставление “молодого” как трудоспособного, оптимального партнера для создания семьи, могущего ее защитить, крепкого и здорового – и “старого”, обладающего противоположным набором качеств» [Климас 2009: 151].

*С старым мужем гулять не пойду,
За младаго убегу! (2,322);
У меня, младой, старый муж,
Старый муж, да не ровня мне,
Он не ровня, не служитель мой! (2,364).*

Старый муж изображается как слабый, неумный и неумелый, не способный работать и обеспечивать семью.

*Как у стараго у мужа
Нет ни воли, ни угрозы (2,368);
Старый муж старешенек:
На печи лежа, кашляет... (2,389);
А старый муж: кахи-кахи! (2,380).*

Особенно подробная характеристика негативных качеств персонажа дается в пермской лирике. В записях курских и пермских песен старый

муж назван погубителем молодой женщины, в песнях Сибири – вором-разбойником:

*Как красная девка плакала,
За стараго замуж идучи,
За младым не живаючи:
"Старый муж – погубитель мой:
Погубил мою головушку
Со девичьею красотой! (2,355);
Старый муж – погубитель мой... (2,363);
Как тому ли вору-разбойнику,
Что разбойнику, мужу старому! (2,220).*

В песенном контексте о негативной оценке образа свидетельствуют дополнительные определения к устойчивому эпитетосочетанию *старый муж*:

*Вздумала мати
Дуню замуж давати,
Замуж ее за стараго
Мужа ее за худаго (2,332);
У моего у стара мужа,
У моего у постылаго! (2,388).*

Героиня не хочет рассматривать такого кандидата в мужа, а выданная за него замуж, относится с презрением, обманывает, наносит ему вред или мечтает сжить со свету.

*Молодка, молодушка,
Как тебе не скучится,
Со старым мужем живучи,
На стараго гляючи? (3,142);
Какова горька калинка –
Таково мне, молоденьке,
Со старым-то мужем жити (2,368);
У стараго мужа жить тяжело (2,313);
Я стараго мужа на смерть не люблю... (2,322);
Как ее можно
Стараго мужа обмануть? (3,465);
Моего мужа гром убил,
Стараго молонья сожгла... (3,142).*

В последнем из приведенных примеров наблюдаем явление межстиховой атрибуции – распределение определяемого слова и определения к нему по параллельным стихам. Это свидетельствует об обособлении признака, выраженного словом *старый*, придании ему самостоятельности, абсолютизации. Ранее нами было высказано предположение, что в составе семантической оппозиции «старый – молодой» в русской фольклорной лирике «именно *старый* является

сильным, маркированным членом», не меняя «ни своей семантики, ни своего устойчивого положения на “полюсе отрицания”» [Климас 2009: 151].

Абсолютизация признака приводит к его «овеществлению», проявляется в стремлении к субстантивации прилагательного. Отметим, что слово *старый* выступает в роли имени существительного в каждом корпусе текстов: в курских песнях 24 раза из 44 зафиксированных употреблений, в архангельских – 15 из 33, в олонечких – 12 из 26, в сибирских – 3 из 13, в пермских – 39 из 61. В этих случаях *старый* как бы аккумулирует семантику словосочетания *старый муж* и становится полноценной номинацией данного персонажа, употребляясь как обращение, приобретая собственные определения – прилагательные или местоимения, например:

*Стану я **стараго** будити:*

Стань, мой стар, пробудися! (2,353);

Спи, мой стар,

От века до века! (2,345).

Эпитеты субстантивата могут быть территориально закреплены.

– *Неженатый, невдалый* ('неудачный, не самый лучший, посредственный', 'не способный ни к чему, бестолковый, неумелый', 'неудачливый, обиженный судьбой', 'нерасторопный, неловкий, неповоротливый', 'скромный, робкий, застенчивый' [СРНГ: 20: 326]) отмечены в курской лирике:

***Стар неженатый** по бережку ходит,*

У Натальи-свет ручку просит... (2,298);

Когда б я знала, млада, ведала,

*Что пойду замуж я за **стараго**,*

*Я за **стараго**, за невдалаго... (2,318).*

– *Седой, седатый* ('седой' [СРНГ: 37: 112]), *семейный, детейный* ('многодетный' [СРНГ: 8: 37]) – в архангельской:

Не ходи-тка, девка, молода замуж,

*Молода, девка, взамуж за **стараго**,*

*Что за **стараго**, девка, за седатаго! (2,180);*

*У **стараго-то** было и седаго*

Трое деток было у него... (2,285);

*Захотели меня что за **стараго** отдать,*

*За **стараго**, за седатаго,*

За семеинаго, за детейнаго... (2,297).

– *Удушливый* ('страдающий кашлем, удушьем', 'болезненный (человек)' [СРНГ: 46: 317]) – в олонечкой и пермской; *кашливый* ('часто кашляющий' [СРНГ: 13:152]) – в пермской:

*Либо **старое** удушливое,*

Либо младое недужливое... (2,114);

*Достануся **старому**, кашливому! (2,345);*

*Во смиренной сидит **старый**, ой, кашливый (2,376).*

Показателем устойчивой субстантивации являются также синтагматические связи слова *старый* с другими характеризующими персонаж существительными и именными словосочетаниями или изофункциональность с ними, например:

*Поднял ключи **старый**,*

***Старый** с бородой! (2,314);*

*За **старого** замуж шла...*

За седую бородушку... (2,363);

*Достануся я **старому**,*

*Я **старому**, неровнюшке! (2,380).*

Помимо самой распространенной атрибутивной синтагмы *старый муж* и ее стяженного варианта – субстантивата *старый*, в лирике разных регионов (кроме Сибири) зафиксированы тавтологические сочетания *старый старик*, *старый старичок*, *старый стариченочко*, *старая старость*, усиливающие негативное восприятие обозначаемого концепта.

Стала девка Бога молить:

Дай Бог, дай Бог женишка –

*Не **старого старичка***

В девяносто лет! (2,109);

*Отдают тебя за **старого старика**...*

***Старый стариченочко**,*

Он не спустит погулять... (2,446);

Молоденька замуж вышла

*За **старого старика**... (5,429);*

Поди замуж за меня,

*За **старого старика**! (2,342);*

Пляши, чадо милое,

*До **старости** до **старой**... (2,19).*

Таким образом, старость в языковой картине мира фольклорной лирики – немощность, утрата социальных функций, радости жизни, обремененность нежелательными обстоятельствами – болезнями, другой семьей.

В архангельских песнях молодой девушке предлагается выйти замуж за «старого, седатого, семейного, детейного». Со старостью связана система запретов и ограничений. Например, персонаж, называемый *старый муж*, *старый*, *старый старик* и т.п., не пускает на улицу молодую жену или она сама отказывается с ним гулять. В песнях разных местностей встречаются сюжетные ситуации, связанные с ненавистью к старому мужу, желанием ему досадить или его погубить. Так, распространены следующие ситуации:

- «постель для нелюбимого», когда старику для сна готовят крапиву и камни (Курск, Архангельск):

*Я **старому** постелюшку,
А в три ряда – камения... (2,346);*

- «отравленное кушанье для старого мужа» (Пермь),

*Я про **стараго** пирог пекла,
Корочка – еловая кора,
Деготьком подмазывала,
Сулемой подсыпывала,
Стараго мужа отравливала (3,144);*

- «жена топит мужа, не слушая просьб о пощаде» (Архангельск, Олонец):

*Навяжу я **старому** на ворот,
Отпущу его я на воду,
Пуцай мой **старый** плавает! ...
Старый взмолится:
Уж ты, душка-жсенушка моя,
Перейми-ка меня, старика!...
А сама взойду я на гору,
Посмотрю на **стараго**,
Как он плавает! (2,125);*

- «молодая жена хочет повесить мужа в поле» (Пермь):

*Я бы **стараго** утешила:
Во чисто б поле отвозила,
Среди поля повесила
Я за горькую осинушку,
Я за самую вершиночку,
Черным воронам на карканье,
Сорокам на щекотанье,
Добрым людям на дивованье! (2,121);*

- «жена прогоняет старика из дому» (Пермь):

*Я **стараго** сердцем,
Его не взлюбила,
Духу его не взрадела,
Из горницы, из летницы
Чадом, угаром
Его провожала,
По сеничкам веничком
След заметала,
По лесенкам камешком
Вслед бросала (2,332);*

- «гадание о старом муже на венке (Курск), на ковре (Пермь)»:

*Носить венок **старому**,*

Старому, невдалому (2,321);

*Достаюся я, ковер,
Достаюся, шелковой,*

Старому мужу...

Старому мужу ковер

Не изоспати! (2,325).

Надо отметить, что аналогичное отношение в народных песнях выражается и к женским возрастным персонажам, однако они упоминаются гораздо реже: *старая баба* (архангельский фольклор), *старуха* или *старушка* (пермский и курский).

Не берите парня, мысли,

На старой бабе жениться...

Стара баба – низкоглаза... (3,322);

Мне стара баба любить – стыдно к ней ходити... (4,379).

В некоторых текстах осуществляется сопоставление разных возрастных (и социальных, гендерных) статусов персонажей:

Никто мужа не полюбит,

И ни девки, и ни бабы,

И ни старыя старушки,

Ни бабушки повитушки! (4,19);

Прощай, девки, прощай, бабы,

Прощай, стары старики,

Прощай, старыя старухи,

Пожилые мужики! (6,106).

Отметим, что прилагательное в именовании героини песни также может субстантивироваться с сохранением функций и оценочной коннотации:

Старую узять –

Она не будет работать... (3,575).

Для обозначения соответствующих персонажей иногда используются метафорические, синекдохические, перифрастические замены – словосочетания со словом *старый*, в которых его негативная семантика возрастает. Эти номинации могут быть общими для разных корпусов текстов или специфическими для какого-то региона. Так, инвективные определения *старый черт*, *старая чертовка*, характеризующие нелюбимого мужа или его родителей, зафиксированы в курских, олонечких, архангельских, пермских песнях.

От старого черта

Ни игры, ни потехи... (2,314);

Старый черт плетью грозит

О семи нахвостничках... (3,111);

Все это – от свекра,

От старого черта...

*Все это от свекровки,
От старой чертовки* (2,502).

В вариантах текста именования *муж* и *черт* взаимозаменяемы.

*Неравен-то черт навяжется:
Либо старый, либо младый попадет... (2,114);
Неравен-то муж навяжется:
Либо старый, либо малый попадет... (2,128).*

Некоторые определяемые слова сочетаются со словом *старый*, вероятно, по созвучию с другими, более частотными, то есть в силу особенностей звучащего ритмически организованного текста:

Стара баба – стара база (3,322) (база ‘крикунья, горластая женщина’ [СРНГ: 2: 47]);
*Ох ты, старый муж,
Ох ты, старый гуж! ...
Еще старый муж,
Еще старый гуж,
Пробуждается... (3,123).*

Возможно, с использованием сочетания *старый гуж* в олонецком фольклоре связано развитие метафорического обозначения старого мужа однокоренным словом *огужище* ‘петля для весел’ [СРНГ: 22: 360]:

*Старое огужище не сорвется,
У старого шея не оторвется!* (3,123).

В курской песенной лирике и песнях Сибири встречается сочетание *старая голова*, характеризующее персонажа в качестве синекдохи или рисующее деталь его внешности в прямом смысле:

*Там девица выголашивала,
Красавица выговаривала,
За старого замуж шла,
За старую головушку,
За седую бородушку* (2,363);
*Быть тебе, девка, за мною,
За старую головою!* (2,338);
*С тобой, с старой головой,
Черт, не бранье, – больше хлопотанье!* (2,641);
*Расчешите седую бороду,
Что его-то стару голову,
У моего у стара мужа,
У моего у постылаго!* (2,388).

Примеры показывают, что наименее типично обозначение лица с помощью атрибутива *старый* в лирике Сибирского региона. Здесь в составе мужских рекрутских песен встречаются сочетания, репрезентирующие семантику определения, более характерную для

богатырского эпоса: «не столько возрастные особенности, сколько опытность, заслуги персонажа» [Бобунова, Климас 2019]:

*Кричит-ревет молодец
Во полки государевы:
Стрельцы вы старые! (6,338);
Говорит молодая жена Авдотья Ивановна
Про стара мужа Терентьища,
Про стараго (6,541);
*И пропойте-ка песенку,
Про гостя богатаго,
Про стараго (6,541).**

Очевидно, что главную роль в этом играют жанровая разновидность и тематика произведения, в котором вся стилистика напоминает эпические каноны.

Нами отмечено всего несколько случаев в границах исследуемого материала, когда слово *старый* определяет неодушевленные существительные и выражает семантику, не связанную с возрастом. Это синтагма *старая любовь* ‘давняя, прежняя’ в текстах архангельских и олонекских песен, а также единичные сочетания *старый зипунишко* ‘ветхий, непрезентабельный’ (Курск), *старый камешек* ‘надежный, крепкий, хорошо сохранившийся’ (Архангельск), *старая Рязань* ‘давно существующая, известная, славная’ (Сибирь).

*Я по **старой** по любви
Начал шуточки шутить... (3,334);
Я по **старой** любви,
Я по прежней забаве
Начал целовать... (3,336);
Он не в шубе, не в халате, –
Он у **старом** зипунишке... (2,492);
Приглянулся мне **старый** камешок...
Навяжу я старому на ворот,
Отпущу его я на воду (2,125);
За Зарайском городом, за **Рязанью** за **старою**,
Из далеча чиста поля, из раздолья широкаго,
Как бы гнедаго тура привезли убитаго... (6,288).*

Значение вербализатора концепта *СТАРЫЙ* в этих сочетаниях не всегда полностью соответствует словарным формулировкам, а подчиняется и законам фольклорной поэтики, и жанрово-стилистическим особенностям произведения, и внутритекстовым рефлексам. Например, камешек назван *старым*, потому что его навешивают на шею *старому* мужу, чтобы утопить; семантика определения *старый* в сочетании *старый зипунишко* перекликается с уничижительным

суффиксом в составе определяемого слова; в олонекской песне изофункциональными являются прилагательные *старый* и *прежний*.

Проведя подробное исследование специфики лексической репрезентации концепта *СТАРЫЙ* в народных лирических песнях, записанных на разных территориях, можно сделать вывод о частичном отражении в языке фольклорных текстов местных, региональных особенностей, которые проявляются в использовании диалектных слов, в наличии или отсутствии, а также разной частоте употребления вербализаторов концепта, в своеобразии их семантики и сочетаемости. Однако гораздо более значимыми при характеристике одного из ключевых для народной лирики понятий являются общежанровые каноны при описании персонажа с точки зрения его возраста в связи с социальной функцией в семье и обществе; эти каноны коренным образом отличаются от способов реализации концепта в былинном эпосе.

В качестве дальнейшего направления исследования можно наметить анализ содержания и выражения концепта *СТАРЫЙ* в других фольклорных жанрах, в частности в прозаическом эпическом жанре народной сказки.

Библиографический список

Бобунова М.А., Климас И.С. Концепт *старый* в русском эпосе [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019. № 2 (33). С. 17–28. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3240/ (дата обращения: 20.06.2020).

Бобунова М.А., Праведников С.П., Хроленко С.П. Проблемы фольклорной диалектологии. Курск: Изд-во КГУ, 2003. 72 с.

Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Конкорданс русской народной песни: Песни Курской губернии. Курск: Изд-во КГУ, 2007. 258 с.

Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Конкорданс русской народной песни: Песни Архангельской губернии. Курск: Изд-во КГУ, 2008. 316 с.

Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Конкорданс русской народной песни: Песни Олонекской губернии. Курск: Изд-во КГУ, 2009. 188 с.

Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Конкорданс русской народной песни: Песни Сибири. Курск: Изд-во КГУ, 2010. 176 с.

Климас И.С. Своеобразие лексикологических категорий в языке фольклора. Курск: Изд-во КГУ, 2004. 147 с.

Климас И.С. Русское фольклорное слово: курс лекций для магистрантов. Курск: Изд-во КГУ, 2009. 168 с.

Климас И.С. Своеобразие фольклорной антонимии // III Всероссийский конгресс фольклористов: сб. науч. ст. в 5 т. Т. 1: Актуальные проблемы российской фольклористики. М.: РОСКУЛЬТПРОЕКТ, 2017. С. 171–183.

Праведников С.П. Основы фольклорной диалектологии. Курск: Изд-во КГУ, 2010. 230 с.

Праведников С.П. Региональная специфика антропонимов курских и олонекских сказок // Лингвофольклористика. 2011. № 18. С. 38–47.

Праведников С.П. Кластер «Пища» в русской эпической традиции с точки зрения территориальной специфики [Электронный ресурс] // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 3-2 (23). С. 95–103. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/688/ (дата обращения: 25.05.2020).

Праведников С.П. Топонимы в олонекских и курских сказках (сопоставительный аспект) // «Свое» и «чужое» в культуре. Материалы XI Международной научной конференции / Отв. ред. Н.Г. Урванцева. Петрозаводск, 2017. С. 160–162.

Пропп В.Я. Сказка. Эпос. Песня (Собрание трудов). М.: Лабиринт, 2001. 368 с.

Соб. – Великорусские народные песни: в 7 т. / изд. проф. А.И. Соболевским. СПб.: Гос. типография, 1895–1902. Т. 2-6 (в примерах указывается номер тома и номер песни).

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2016. Вып. 1-49.